

KÁROLY GADÁNYI – ВИКТОР МОИСЕЕНКО

Об особенностях транскрипции имен собственных в русском и хорватском языках

Имена людей, названия мест их проживания, другие разновидности имен собственных – все это продукт многовекового развития культур разных народов, результат культурных встреч на перекрестках истории. Именослов любого цивилизованного народа формировался и пополнялся не из одного, а из многих источников. Культурная история имен народов включает в себе многообразие языкового и культурного участия как народа – носителя этих имен, так и народов, выступающих в роли культурных доноров.

Для истории культурного взаимодействия русских и хорватов никогда не были характерными взаимные прямые и массовые языковые контакты. Это обстоятельство обусловлено фактором географической удаленности языковых территорий, а также конфессиональным размежеванием и принадлежностью русского и хорватского этносов к культурным мирам *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*. В письменности эта культурная дифференциация в наши дни продолжает выражаться в использовании ими двух различных графических систем: русской гражданской кириллицы и трансформированной для хорватского языка латиницы. Взаимные культурно-языковые контакты между этими двумя славянскими народами всегда осуществлялись только по письменным каналам. Начиная со средневековья, наиболее характерные русские заимствованные слова, в том числе и имена собственные, проникали в язык хорватской письменности преимущественно при посреднической роли других славянских языков: церковнославянского в разных его редакциях, сербского, чешского и польского (Gadányi–Moiscenko 1999: 78).

Геополитические трансформации последнего десятилетия изменили языковую ситуацию, придав ряду славянских языков, в том числе и хорватскому, статус государственного языка. Данный фактор повлек за собой функциональную активизацию некоторых терминологически значимых пластов лексики хорватского литературного вокабуляра, в частности, ономастической номенклатуры, относящейся к сфере межгосударственных отношений, дипломатического протокола и других. За последние годы было созданы новые географические пособия, карты, атласы, справочники-ономастиконы и иная печатная продукция на хорватском языке с включением ономастической лексики. Эти изменения совпали во времени с глобальным бумом электронных средств связи и развитием

сти интернета. Указанные внеязыковые факторы способствовали еще большей активизации употребления собственных имен и названий, заимствованных из других языков, с необходимостью использовать которые постоянно сталкиваются ученые, журналисты, переводчики, редакторы, референты, библиографы и представители других профессий.

Для того, чтобы грамотно писать иностранные имена на любом языке, т.е. адекватно их транскрибировать, необходимо знание соответствующих принципов и правил. В то же самое время „правильность” – понятие относительное, которое может меняться при появлении новых норм, изменении правил, стандартов, инструкций. К тому же в языковой практике также нередки случаи, когда отсутствует то или иное буквально применяемое правило. Отсюда происходит необходимость сознательного усвоения основ транскрипции, понимания природы собственного имени и овладения разнообразными приемами передачи иностранных имен и названий, которые в изобилии представлены в любом языке.

Особенность имен собственных, в отличие от множества других слов иностранного происхождения, заключается в том, что они в основных чертах сохраняют свой оригинальный звуковой облик и после заимствования. Причина этого заключается в особенностях семантики имени собственного. Для передачи апеллятивной лексики (напомним, что в ее состав входят все нарицательные имена, глаголы, наречия и вообще вся лексика, кроме собственных имен) звуковая оболочка не так уж и важна. Для апеллятивов гораздо существеннее передать их значение, выражаемое ими понятие. Что часто и достигается путем перевода. А для передачи имен собственных, как раз наоборот, первостепенную важность приобретает именно звуковая оболочка. Это происходит потому, что имена собственные обозначают индивидуальные объекты непосредственно, минуя ступень общего понятия: если апеллятив *озеро/jezero* обозначает замкнутый в берегах естественный водоем вообще, то *Байкал/Bajkal* означает совершенно конкретный водный бассейн с уникальными природными характеристиками.

Существуют разные теории собственного имени, однако, как бы мы ни трактовали его семантическую природу, структура значения имени собственного всегда будет отличаться от структуры значения апеллятивов. В этой связи справедливо утверждение исследователей о том, что „собственные имена обладают суженным планом содержания (имя человека, животного) и чрезвычайно широким планом выражения, включающим разнообразнейшие явления и отношения, порой очень далекие от реального содержания именуемого объекта” (Суперанская 1973: 155). Действительно, имена собственные в плане содержания свидетельствуют лишь о немногих признаках своего денотата, определяя лишь, что он является человеком, животным или топонимом, гидронимом и т.д. При этом отдельные грамматические категории славянского имени при конк-

рентном рассмотрении приобретают некоторые специфические черты. Так, например, для многих славянских собственных имен отсутствует категория числа (точнее, имеется лишь одно число, не единственное и не множественное). Вместе с тем, и русские, и хорватские антропонимы могут приобретать иное по сравнению с нарицательными именами значение грамматической категории „неоднородного” множественного числа: *семья Пушкиных* и просто *Пушкины* или *obitelj Meštrović, familija Meštrovićevih, Meštrovići* и т.д. как общность лиц, объединенных принадлежностью к данному множеству. В тех же случаях, когда собственные имена приобретают типичное множественное число, они переходят обычно в разряд нарицательных. Ср., например, распространенные названия автомобилей в русском языке: *москвич, волга, запорожец* или в хорватском: *mercedes (marka finog automobila po ženskom imenu Mercedes Daimler), opel (tip automobila po osnivaču tvornice Adamu Opelu)* и т.д.

Семиотическая природа имен собственных способствует свособразию их поведения в языке и речи, во многом обуславливая их заимствование именно путем транскрипции. Эта область топониматики все еще остается проблемной, ввиду недостаточной пока изученности особенностей имени собственного, связанных с прямой (минуя общее понятие) связью знака и обозначаемого предмета, большой произвольностью наименования, инвариантностью к переводу. Здесь, помимо частных случаев, касающихся односоставных наименований, дополнительные сложности в теорию и практику переноса славянского имени собственного в другой славянский язык вносят имеющие мотивировку или особое значение сложные наименования. Чаще всего это названия известных литературных произведений, кинофильмов и т.д. типа „*Горе от ума*”, „*Хождение по мукам*”, „*Свои люди – сочтемся*”, „*Кому на Руси жить хорошо?*”, „*А зори здесь тихие...*” и т.д. Понятные и привычные для носителей языка, они сложны для передачи на иную, даже генетически близкородственную языковую почву.

Индивидуализация текста с помощью собственных имен всегда носит активный характер, подчеркивая и закрепляя личностный характер имени в случаях обозначения лица, а если речь идет о неодушевленном объекте, то и „одушевляя” его. Функцию собственных имен принимают на себя „квазисобственные” имена, к разряду которых традиционно причисляются названия светил, составные части календаря, термины родства и т.д. (Sørensen 1958: 182–183). Важным свойством таких слов, которые одновременно являются и собственными и нарицательными, становится то, что на другие языки они переводятся, а не транскрибируются, что свидетельствует об их апеллятивной природе. Ср. рус. *луна*, переводимое на хорватский как *Mjesec*; рус. *февраль* и хорв. *veljača*; рус. *своjak* и хорв. *šurjak, rašenog* и т.д.

Сообщение объекту любого имени (личного имени, клички, названия места и т.д.) тотчас погружает его в определенный контекст или череду контекстов – языковой, психологический, социальный и т.д. Это обстоятельство должно учитываться не только при передаче имен в художественном произведении, но и в любом специальном контексте, где индивидуализация с помощью собственного имени нередко создает соответствующий географический, исторический или психологический колорит. Анализ функции имен в художественных произведениях не входит в нашу задачу, т.к. это особый раздел ономастических исследований, граничащий с литературоведением. Что же касается передачи имен в более широком круге случаев, включая научно-технический, публицистический и т.д. перевод, то здесь возможна детальная постановка ряда вопросов, на первый взгляд обманчиво простых: почему при передаче на иностранный язык собственные имена транскрибируются, в то время как остальная масса текста переводится?, или почему в славянских языках собственными могут быть только имена, а не глаголы или наречия; причем, только имена существительные (или функциональные аналоги существительного, например, субстантивы), а не имена прилагательные также?, каков критерий того, что определенное слово или словосочетание представляет собой именно имя собственное?

В основе концепции имени собственного находится обозначение индивидуального объекта. Из этого следует, что внешняя, звуковая и графическая оболочка для собственного имени имеет решающий по сравнению с апеллятивами характер. Это в полной мере подтверждается при переводе текста на другой язык, когда апеллятивы утрачивают свою звуковую и буквенную оболочку, а собственные имена ее сохраняют. Собственные имена по-особому ведут себя в языке и речи, по-иному оформляются на письме. В европейских языках имена пишутся с прописной буквы, а различные названия нередко пишутся в кавычках. В собственных именах может сохраняться архаичное написание, они могут отражать орфографические нормы другого языка. Все это подчеркивает характер имен собственных как своеобразных „минимальных цитат“, с которыми их роднит целый ряд особенностей. И цитаты, и имена в текстах всегда могут принять форму аббревиатуры, получить номер, быть заменены индексами, сносками и т.д. И те, и другие присущи языку, но не свойственны иным семиотическим системам.

Акт порождения имени связывает любой объект (планету, населенный пункт, человека и др.) с звуковой и графической оболочкой, которая символизирует тождество этого объекта и в принципе уже не может быть изменена ни при его физических изменениях, ни при переводе текста, с использованием имени данного объекта. В наше время в связи с возрастающей тенденцией к точности документации сохранение звуковой и графической оболочки заимствуемого имени собственного приоб-

ретает особую важность. Для обеспечения этой сохранности в письменном языке используется три способа: транскрипция, транслитерация и непосредственное включение в текст иностранного имени с сохранением его графики, т.е. заимствование *sensu stricto*.

Непосредственное включение в текст оригинального иностранного имени широко практикуется во многих языках в случаях, когда и принимающий, и дающий языки пользуются одинаковой графикой (арабский и персидский, китагйский и японский, английский и немецкий и др.). В то же самое время не все европейские языки с латинской графикой и не во всем придерживаются этого порядка (ср. хорв. *Šekspir*, а не *Shakespeare*, хорв. *Rim*, а не *Roma*). Кроме того, в славянских языках, независимо от графики, остаются проблемы, связанные с особенностями склонения имен, несовпадением категории рода (ср. хорв. *Prag*, *Sibir* (м.р.) и рус. *Прага*, *Сибирь* (ж.р.)). Остается и проблема более или менее адекватного звукового воспроизведения многих западноевропейских имен собственных. У русских, например, традиционно затруднения вызывает воспроизведение на родном языке имен типа франц. *I. Baudouin de Courtenay* (рус. *И.А. Бодуэн де Куртене*), нем. *F. Nietzsche* (рус. *Ф. Ницше*) или англ. *Th. Gainsborough* (рус. *Т. Гейнсборо*) и т.д. В подобных случаях алфавитный принцип письма сменяется иероглифическим, т.к. имя воспринимается как целостный символ, уже не полностью связанный с правилами чтения. Незначительным смягчающим обстоятельством в процессе коммуникации может служить только то, что такие имена, выделяясь в русскоязычном тексте, довольно легко опознаются.

Следует учитывать и тот факт, что ни при каком из трех вышеупомянутых способов передачи имени собственного – при его перемещении в контекст другого языка – невозможно сохранить точно произношение слова. Поэтому непосредственный перенос оригинального слова, транслитерация и транскрипция представляют собой лишь три последовательных ступени приближения. При этом, конечно, трудно определить все неудобства или преимущества, которые сопровождают искажение при чтении и при передаче графического облика. К тому же, обо всем этом можно рассуждать лишь в случаях совпадения графических систем взаимодействующих языков, т.к. по некоторым наблюдениям: „Русский текст с включением латинской графики становится нечитаемым и странным на вид” (Гиляревский–Старостин 1985: 12).

Практика современного русского правописания показывает, что последнее, как и прежде, не собирается полностью отказываться от прямого включения в текст имен на латинской графике. В научной и технической литературе даже можно считать нормой, когда употребление оригинального имени сочетается с транскрипцией (например: у книгоиздателя *Загнера (Sagner)*, в работе *Вайнрайха (Weinreich, 1953)*, в романе *Крлежи (Krlježa)* и т.д.). В художественной и публицистической литературе

этот способ применяется реже. В основной массе современных русских текстов имена и названия передаются с помощью кириллицы, т.е. с помощью транскрипции.

В хорватских текстах почти весь ономастический материал: имена и фамилии, названия городов, государств и т.д., которые происходят из языков, использующих латиницу, повторяет написание языка оригинала (*Bruxelles, Columbia, Leipzig, München, Ohio, New York, Toulouse; Boccaccio, Camus, Chomsky, Esterhazy, Hugo, Kalay, Kurylowicz, Lukacz, Toporišič*) (Bačić et al. 1999). Адаптированные иностранные имена и названия, которые сохраняют правила хорватского правописания или являются старинными кальками-переводами, представляют собой отражение давних исторических связей хорватского этноса с окружающим миром. По сравнению с общим количеством имен собственных, эти последние представлены в заметном меньшинстве. В наши дни написание таких хорватских слов как: *Atena, Beč, Bečanin, Budimpešta, Bukurešt, Carigrad, Prag, Rim; Bavarska, Mađarska, Njemačka, Španjolska, Teksas* и т.д. – это уже просто дань культурной традиции.

В некоторых случаях невозможна транскрипционная передача в русском тексте некоторых исторически обусловленных хорватских имен собственных. Например, хорватское название австрийской столицы Вены – *Beč* (из венгр. *Bécs*) мы просто обязаны перевести так, как оно традиционно пишется и произносится по-русски. Это относится и к хорватским наименованиям жителей этого же города *Bečanin, Bečanka* (наряду с *Bečlija, Bečlijka, Bečkinja*), которые по-русски можно передать только через перевод в форме *житель/жительница Вены; венец, венка*. Подобным образом необходимо поступать так же и при передаче других архаичных географических названий, которые можно встретить в специальных исторических или литературных контекстах. Это примеры типа *Agram* – старинного немецкого названия города Загреб (от нем. *am Graben* – ‘на канаве, на насыпи’). То же самое следует сказать и о его производных *Agramer, Agramerica, agramerski*.

Как следует понимать транскрипцию? Если говорить кратко, это – „способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи” (Языкознание 1998: 517). В зависимости от того, какие именно звуковые единицы являются предметом транскрипции, в современном языкознании различают разные виды научной транскрипции: собственно звуковую или „сегментную” и интонационную или „суперсегментную” (Зиндер 1979, Светозарова 1982). В настоящей статье рассматриваются только особенности практической транскрипции, которая представляет собой запись иноязычных слов средствами национального

алфавита с учетом их произношения. Термин-понятие „практическая транскрипция” был введен в научный оборот впервые еще в 30-е годы XX века русским ученым А.М. Сухотиным (1935). Практическая транскрипция основывается на правилах передачи графем или графических сочетаний одного языка графемами и графическими сочетаниями другого языка. В отличие от транслитерации, эти правила должны учитывать то, как графемы и графические сочетания произносятся в каждом конкретном случае. Одним из основных требований, предъявляемым к практической транскрипции, является возможно более точное сохранение звукового облика передаваемого слова. Вместе с тем, она должна по возможности сохранять морфемную структуру слова, его графические особенности, одновременно обеспечивая легкость освоения этого слова и т.д. В таком случае, например, наличие удвоенных согласных, характерных для русского правописания и возможность их сохранения при передаче русизма в хорватском языке почти автоматически становится непреодолимым препятствием. Эти требования часто вступают в противоречие друг с другом, вследствие чего одновременное соблюдение их всех невозможно. Поэтому выбор того или иного требования в качестве основного обуславливает предпочтение того или иного транскрипционного варианта. Практическая транскрипция реализуется строго на базе алфавита данного языка без использования дополнительных знаков. В отличие от этого, в научных и обучающих целях используется фонетическая транскрипция, где используется специальная система знаков (применительно к русскому языку в подобных целях параллельно используются две системы: на базе кириллицы и латиницы). Существует и международная система фонетической транскрипции на базе латинского алфавита, где независимо от языка, в котором эти звуки встречаются, каждому звуку человеческой речи соответствует определенный знак или комбинация знаков. Существование различных правил или систем приводит к появлению транскрипционных вариантов. В практической транскрипции всегда используется исторически сложившаяся орфографическая система того или иного языка. Это единственное и, видимо, универсальное средство включения слов одного языка в текст другого с относительным сохранением звукового облика этих слов. Неизбежная при этом приближительность практической транскрипции – это следствие несовпадения ряда фонем в различных, в том числе и генетически близкородственных славянских языках. Дополнительным препятствием становятся и специфические особенности разных, несовпадающих между собой систем правописания. Если, например, система хорватского правописания в основном отражает звуковой состав этого языка, то русская изобилует читаемыми по-разному в зависимости от позиции в слове, а иногда и непроизносимыми вовсе буквами и буквосочетаниями. Это безусловно усложняет практическую транс-

крипцию. А между тем, единообразие в транскрипции совершенно необходимо.

Практика показывает, что в ситуации, когда по тем или иным причинам (как правило, технического характера) игнорируется диакритика хорватского латинского алфавита (в литеррах *č, ć, ž, ž*) при транслитерации, например, на английский, французский, испанский или немецкий языки, мы имеем дело с регулярными языковыми неточностями и неудачами как фонетического, так и графического плана, которые в данном случае тесно связаны между собой. Примером может служить фамилия хорватского теннисиста Горана Иванишевича (*Goran Ivanišević*), которая передается в западноевропейских языках средствами электронной связи чаще всего в форме *Ivanisevic* или *Ivanisevich*. Эта же ситуация распространяется и на венгерскую по происхождению (из бывшей Югославии) фамилию американской теннисистки Моники Селеш, которая часто фигурирует в средствах информации в форме *Seles*, в то время как в „правильном“ виде в венгерском оригинале она пишется (и соответственно читается) как *Szeles Mónika*, а в сербской графике (в ее латинском варианте) пишется и читается как *Monika Seleš*.

Как отмечалось выше, практическая транскрипция используется в тех случаях, когда перевод иноязычных слов невозможен или по каким-либо причинам нежелателен (главным образом при передаче имен собственных и терминов). В таких случаях, не будучи переведенными, иноязычные слова могут включаться в текст и вообще функционировать как слова данного языка, так как они фактически заимствуются.

Отсутствие единообразия в транскрипции затрудняет поиск информации, нахождение исходной формы имени (ретранскрипция), иногда не дает возможности отождествить географическое название, фамилию и т.д., ведет к неправильному пониманию текста. От людей, не занимавшихся специально транскрипцией, приходится слышать, что та или иная передача имени собственного „неправильна“. Рассуждения о „правильной“ или „неправильной“ транскрипции, основанные на изолированных моментах транскрипционной передачи, неверны в принципе, т.к. существует только транскрипция, соответствующая или несоответствующая определенным нормам. А любая норма, как известно, устанавливается не сразу, и всегда эволюционирует. Отличие норм транскрипции от родственных им орфографических норм состоит в том, что они до сих пор очень неустойчивы: не выявлены оптимальные варианты передачи, не выработаны государственные стандарты, которые уже составлены для транслитерации. Не владея иностранным языком и не руководствуясь единой системой транскрипции, трудно отыскивать исходные формы имен и трансформировать их на новой языковой почве. Помимо чисто утилитарных соображений, единообразие в написании иностранных имен является и показателем общей культуры языка. В качестве нагляд-

ного примера рассмотрим совсем простой случай: варианты хорватской транскрипции фамилий соавторов данной публикации *Károly Gadányi* и *V. Moiseenko*, с которыми приходится сталкиваться в языковой практике. Первая фамилия венгерская. Она восходит к хорватскому кайкавскому оригиналу, в основе которого лежит качественное прилагательное с корнем *gadan-*. Вторая фамилия русская, которая восходит к украинскому оригиналу *Мойсеенко*. По-хорватски они передаются как *Karlo Gadani*, *Karlo Gadanji*, *Karaj Godani* и *V. Moiseenko*, *V. Moisejenko*, *V. Mojsejenko*. Обращает на себя внимание особенность непоследовательной передачи на хорватский язык венгерского имени *Károly*. Вместо ожидаемой логически формы *Karaj*, чаще встречаем „переводную” форму *Karlo*, в которой не выдержано ни произношение оригинала, ни его написание. Непоследовательность передачи этого венгерского имени очевидна. Она состоит в том, что в основной массе венгерских женские и мужские имена типа: *Ilo-na*, *Katalin*, *Kelemen*, *Ferenc*, *Ištván* и др. в хорватском языке транслитерируется без каких-либо ограничений (Šimunović 1995, Šimunović 1981, Rečnik... 1977).

Транскрипцию, транслитерацию и перевод объединяет то общее, что все они служат средствами передачи слова из одного языка в другой с использованием графики заимствующего языка. А различие между ними заключается в средствах, используемых для этой передачи. При переводе с помощью готовых средств языка передается вся масса иностранного текста, имеющая соответствие в русском или хорватском языке. А вот перевод для собственных имен в большинстве случаев недопустим. Иностранные собственные имена все же переводятся, чаще всего с целью сохранения стиля художественного произведения или в стремлении передать особенности внутренней формы соответствующего иностранного имени в определенном контексте.

По-иному устроена транслитерация, которая трактуется как „буквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы” (Языкознание 1998: 518). Для передачи русских слов в разных языках употребляется до 20 различных систем транслитерации латинскими буквами с ориентацией на английский, французский, немецкий и иные алфавиты. Институт языкознания АН СССР еще в 50-е годы прошлого века разработал правила международной транслитерации русских собственных имен латинскими буквами, которые получили высокую оценку в мире в качестве второй русской орфографии на латинской основе. Благодаря своей универсальности, транслитерация может играть роль единого эталона для решения практических задач при многосторонних международных контактах. Ср., например, русскую фамилию *Лапшин* в многообразии ее практических транскрипций: англ. *Lapshin*, франц. *Lapchine*, нем. *Lapschin*, итал. *Lapscin*, польск. *Łapszyn*, венг. *Lapsin*, хорв. *Lapšin*. Отме-

тим также, что в русской языковой практике транслитерацией нередко ошибочно называют практическую транскрипцию иноязычных слов средствами русской графики (Реформатский 1960, Суперанская 1978, ISO 9-1986).

От практической транскрипции транслитерация отличается своей простотой и возможностью введения дополнительных символов (буквосочетаний, диакритических знаков), в то время, как в практической транскрипции мы имеем дело только с буквами русской кириллицы или хорватской латиницы. В отличие от транскрипции, передающей звуки слова, транслитерация как процесс, тесно связанный с проблемами заимствования имен, представляет собой передачу, „переписывание” слова буква в букву. На практике транскрипционная передача нередко может представлять собой симбиоз собственно транскрипции, транслитерации и традиции, иногда с элементами перевода.

Какова область применения транслитерации? Она чаще всего применяется в научной и технической информации для установления соответствия между буквами кирилловского и латинского алфавита. Допускается транслитерация кириллических букв буквами латинского алфавита с использованием диакритических знаков, а также с использованием сочетаний латинских букв (диграфы, триграфы). Транслитерация чаще всего применяется при составлении библиографических указателей и при организации каталогов, где собираются оригинальные названия на разных языках. Но как способ включения иностранного слова в русский текст транслитерация менее употребительна, так как сильно искажает облик иноязычного имени. При транслитерации не имеет значения, в контекст какого языка, использующего латинскую графику, вводится транслитерированное русское слово. Его написание в любом языке с латинской графикой должно быть одинаково. Однако мы должны помнить о том, что графические системы славянских языков, сформированные под воздействием разных экстра- и интралингвистических факторов, сильно отличались уже в глубокой древности. Мы также знаем, что такие славянские литературные национальные языки, как польский, чешский, словацкий, словенский, верхне- и нижнеслужижский, хорватский, а также ряд других так называемых славянских микроязыков (например, резьянский, кашубский, русинский и др.) используют собственные модифицированные варианты латинского алфавита, с включением дополнительных литер-символов и диакритических знаков (Моиссенко 1997). Ввиду объективной невозможности унифицировать латинское диакритическое правописание для разных славянских языков, включая хорватский, наиболее целесообразным представляется следование следующим основным принципам: однозначности – когда одна и та же русская буква в одном тексте передается одной и той же латинской буквой или комбинацией букв (*č/ch: Čita/Chita; š/sh: Šatura/Shatura; šć/shch: Šćokino/Shchokino; ž/zh: Žigu-*

li/Zhiguli и т.д.); обратимости – когда любой латинский эквивалент транслитерированного текста однозначно восстанавливается в русскую букву; традиционности – с опорой на сложившуюся в России и в мире традицию передачи русских букв латинскими соответствиями; универсальности – как свидетельства того, что система пригодна во всех сферах использования транслитерации. Роль и место транслитерации в глобальной коммуникации в наши дни в связи с развитием интернета остается очень весомой. В международном общении она успешно используется в научной, технической, торгово-экономической и прочей документации, в рекламе, семиотике, различных видах номенклатуры.

Область применения практической транскрипции чрезвычайно широка. Конечно, практическое применение ономастики не ограничивается сферой собственных имен. В транскрибированном виде передаются многие разряды апеллятивной лексики. Причем, в русском и хорватском языке они рассматриваются по-разному: в русском языке, например, этнонимы относятся к апеллятивам, а в хорватском трактуются как собственные имена и пишутся всегда с прописной буквы (*Hrvat, Hrvatica, Hrvati; Rus, Ruskinja, Rusi* и т.д.). Но в целом больших расхождений не наблюдается: транскрипции подлежит огромное число собственных имен: названия лиц, географических объектов, небесных тел, организаций и учреждений, речных и морских судов, отелей, ресторанов, печатных органов и т.д.

Известно, что личные имена людей почти всегда транскрибируются и почти никогда не переводятся. На практике мы должны быть внимательными и учитывать специфику национальных ономастических систем, ориентироваться в их нередко нюансированных характеристиках. К примеру, следует знать не только то, что русскому имени *Пётр* всегда соответствует его хорватский эквивалент *Petar*, но также то, что от этого хорватского мужского имени можно образовать более 40 уменьшительных производных: *Pera, Pere, Pero; Peča, Pečo, Pega, Pego* и т.д. От диминутива *Peco* (также производного от *Petar*) с помощью суффиксации образуются формы *Pecalj, Pezelj, Pecelja, Pecija, Pecika, Pecko, Pecoje, Pecota*, а от диминутива *Pero* (также производного от *Petar*) формы: *Perac, Peracko, Peraca, Perača, Peraća, Perak, Peran, Peras, Perat, Perelja, Pereš, Pereša, Pereta, Perica, Perić, Peridža, Perija, Perin, Perina, Perinac, Periš, Periša, Periza*, а также: *Perko, Peronja, Perota, Peruca, Peruka, Perun* и т.д. А вот диминутивы от хорватского женского имени *Petra*, не имеющего формального соответствия в русском языке, образуются по иным моделям, которые также должны быть учтены при транскрипции (Bjelanović 1994).

В случаях переноса на русскую языковую почву хорватских уменьшительных имен типа *Nikica, Pajica, Perica, Petrica, Stipica, Tomica* и других обязательно следует указывать, что это мужские, а не женские имена. Не сталкивающийся со спецификой хорватских антропонимов

русский читатель не сразу поймет какие имена из ряда: *Antiša, Periša, Ivica, Barica, Bežika, Jurica, Ružica* являются мужскими, а какие женскими. Для правильного понимания уменьшительного имени иногда просто необходимо знать звучание полного имени, от которого оно произошло. Это важно в отдельных „аномальных” коммуникативных ситуациях. Например, в случаях, когда хорватские женские имена *Vanja* и *Sanja* – это полные, недеминутивные по своей современной словообразовательной семантике (ново)образования, которые следует отличать от русских мужских имен *Ваня* и *Саня*, т.к. в русском языке они к тому же являются деминутивами.

Образцы ошибочного „неправильного прочтения” иностранных имен можно встретить даже в специальной литературе. Так, например, авторы справочного пособия „Иностранные имена и названия в русском языке” (Гиляревский–Старостин 1985: 229), характеризуя „сербохорватские” личные имена, явно по ошибке включают хорватские и сербские мужские имена *Љубиша/Ljubiša, Матија/Matija, Симиша/Siniša* в рубрику „Женские имена”, сопровождая при этом их русские кириллические соответствия *Любиша, Матия, Симиша* новым русским ударением на предпоследнем слоге.

Хорватские уменьшительные имена образуются двояко: а) путем простого усечения (нередко уже трансформированной) основы полного имени типа *Mijo* от *Miodrag* или *Mihovil, Mile* от *Milivoj, Mara* от *Marija* или б) путем образования имен собственно уменьшительных, состоящих из корня кратких форм с прибавлением деминутивных суф. *-ic(a)* как для муж. (*Ivica* от *Ivo, Petrica* от *Petar*), так и для жен. рода (*Katica* от *Kata, Marica* от *Mara*), суф. *-k-* для муж. рода (*Duško* от *Dušan, Živko* от *Živojin*) и суф. *-ik(a)* только для жен. рода (имена эти характерны для хорватов-кайкавцев на хорватско-венгерской пограничной языковой территории (*Bežika* от *Eržebel, Marika* от *Marija*), а также с прибавлением суф. *-ec* и *-ek* для образования только мужских уменьшительных имен (*Ferkec* от *Feri, Ferenc, Janček* от *Janko, Stipek* от *Stipo, Pištek* от *Pišta*). Распространенные по всей Хорватии фамилии венгерского происхождения пишутся по традиции с включением элементов архаичного „мадьярского правописания”, т.е. с сохранением специфических и характерных для этого правописания диграфов (*gy, cs, th, sz*), но уже без диакритических знаков: *Lengyel* (по-хорватски читается, как в венгерском оригинале: [lɛndɛl]), *Cseh, Horvath, Olah, Toth, Kovacs, Meszaros, Nemeth, Zriny*, т.е. транскрибируются в соответствии с нормами хорватской орфоэпии. На русский язык фамилии этого типа переносятся приблизительно в той звуковой оболочке „как произносятся по-венгерски”: *Леньдьел, Чех, Хорват, Олах, Тот, Ковач, Месарош, Немет, Зрини*.

Рассмотрим наиболее характерные правила, отражающие перенос русских имен собственных на хорватскую языковую почву. Индивидуальные и групповые прозвища людей, образованные по тем или иным качествам или признакам, чаще всего в художественной литературе передаются с помощью перевода, а не транскрипции. К прозвищам тесно примыкают отличающиеся своим искусственным характером псевдонимы. Русские псевдонимы типа *Горький* или *Бедный* передаются по тем же правилам, что и иностранные антропонимы вообще. Следует помнить, что фамилия-псевдоним *Gorki* по правилам современного хорватского правописания должна склоняться как прилагательное: *N. Gorki, G. Gorkog(a), D. Gorkom(e)*..., в то время как фамилия *Tolstoj* должна склоняться как существительное: *N. Tolstoj, G. Tolstoja, D. Tolstoju*... Притяжательное прилагательное, имющее форму номинатива *Gorkijev* (как и *Tolstojev*) склоняется как *G. Gorkijeva, D. Gorkijevu* и т.д. Однако русское прилагательное *толстовский* – т.е. 'относящийся к Толстому, принадлежащий Толстому' современное хорватское правописание рекомендует употреблять в форме *tolstojevski* (Barić et al. 1999: 560).

Нужно ли склонять обе составные части сложных русских фамилий или только последнюю часть? По правилам современного хорватского правописания в русских составных фамилиях склоняется только последняя часть: *Rimski-Korsakova, Solovjev-Sedoja* и т.д. (там же, 1295).

По правилам русского правописания фамилии на *-о* типа *Костенко* не склоняются, а в хорватском языке этот тип фамилий склоняется: *N. Kostenko, G. Kostenka, D. Kostenku*...

Хорватские фамилии на *-ski*, также как и русские на *-ский/-цкий*, изменяются по падежам регулярно: *N. Stanislavski G. Stanislavskoga, D. Stanislavskomu*... Также изменяются и *Musorgski, Lisicki* и т.д.

Новые правила предписывают в русских фамилиях на *-ev, -ov, -in* в инструментале ед. ч. употреблять окончание *-om*: *Čehovom, Gagarinom* и т.д. (там же, 291).

В хорватском языке русские фамилии на *-ov* способны формировать разряд притяжательных прилагательных типа *Čehovljev, Smirnovljev, Markovljev, Ždanovljev* путем использования суффикса *-ljev*. От русских фамилий на *-ski* в хорватском легко образуются притяжательные конструкции типа: *Dostojevskijev, Černiševskijev* и т.п. Иногда правописание допускает использование параллельных вариантов известных русских фамилий, как, например, в случае: *Rimski-Korsakovov = Rimski-Korsakovljev*.

При образовании хорватских существительных, обозначающих молодых особей обоих полов, используется продуктивный суффикс *-če*: отсюда *Rus-Rusče* по аналогии с *Francuz-Francušče* и т.д.

Перечислим ниже наиболее существенные фонетические и графические соответствия, с практической целью избегать затруднений при пе-

редаче русских кириллических собственных имен в хорватском латиничном контексте:

1) в русских собственных именах буква *е* в начале слова после гласного и после согласного с мягким знаком *ь* (за исключением групп *ль, нь*) в хорватский язык переносятся как *je*: *Евдоким* – *Jevdokim*, *Елисеев* – *Jelisejev*, *Андреев* – *Andrejev*, *Буслаев* – *Buslajev*, *Строев* – *Strojev*, *Лаврентьев* – *Lavrentjev*. Группы *лье, нь* пишутся как *lje, nje*: *Васильев* – *Vasiljev*, *Витальевна* – *Vitaljevna*, *Арсеньев* – *Arsenjev*, *Ананьев* – *Ananjev*.

2) когда русское *е* под ударением переходит в *ě* (что далеко не всегда отражается русскими на письме) в начале слова и после согласных, кроме *ж, ш, ч, щ, л, н* и *ль, нь*, в хорватский переносится как *jo*: *Ёлкино* – *Jolkino*, *Семён* – *Setjon*, *Соловьёв* – *Solovjov*, *Матрёна* – *Matrjona*, *Фёдор* – *Fjodor*. Исключение из этого правила представляют единичные устоявшиеся в хорватском словоупотреблении примеры типа имени известного русского великожи Потёмкина – *Potemkin* или *Роботкин* вместо предполагаемой корректной формы *Potjotkin*. После *ч, ж, ш, щ* буква *ě* пишется как *o*, а после *л, н* (*ль, нь*) также, только русские согласные *л, н* (*ль, нь*) смягчаются при переносе в хорватский язык в *ljo, njo*: *Ткачёв* – *Tkačov*, *Хрущёв* – *Hruščov*, *Лёва* – *Ljova*, *Хмельёв* – *Hmeljov*, *Плетнёв* – *Pletnjov*.

3) русские буквы *ю, я* (в группах с *ь* и *ъ* и без них), кроме *л* и *н* (*ль* и *нь*), в хорватском языке пишутся как *ja, ju*: *Яснoв* – *Jasnov*, *Южин* – *Južin*, *Агафья* – *Agafja*, *Татьяна* – *Tatjana*, *Васюган* – *Vasjugan*, *Костя* – *Kostja*, *Настя* – *Nastja*, *Митя* – *Mitja*, *Боря* – *Borja*, *Варя* – *Varja*, *Люся* – *Ljusja*, *Брюсов* – *Brjusov*, *Тюмень* – *Tjumenj*.

4) после *л, н* и *ль, нь* буквы *я, ю* переносятся в хорватский язык в виде *a, u* со смягчением предшествующего согласного, например: *Беляев* – *Beljaev*, *Желябов* – *Željahov*, *Милютин* – *Miljutin*, *Валя* – *Valja*, *Емельян* – *Jemeljan*, *Ульянов* – *Uljanov*, *Ильюша* – *Iljuša*, *Нюра* – *Njura*, *Маланья* – *Malanja*.

5) буква *и* в позиции после гласного и согласного, после которого находится буква мягкий знак *ь* (за исключением групп *ль* и *нь*), в хорватском языке пишется как *ji*: *Еремеич* – *Jeretejič*, *Захарьин* – *Zaharjin*. Группы *ль, нь* перед *и* пишутся как *lj, nj*: *Ильин* – *Ilijn*, *Евгеньич* – *Jevgenjič*.

6) группы *ль, нь* в конце слова и перед согласными также пишутся как *lj, nj*: *Гоголь* – *Gogolj*, *Бальмонт* – *Baljmont*, *Львов* – *Ljvon* (фамилия), *Сызрань* – *Sizranj*.

7) группы *дь, ть* перед согласными пишутся как *ć*: *Федька* – *Fećka*, *Митька* – *Mićka*. В остальных случаях буква „мягкий знак” *ь* при переносе в хорватский не фиксируется: *Горький* – *Gorki*, *Вязьма* – *Vjazma*, *Кузьма* – *Kuzma*, *Васька* – *Vaska*.

8) мягкие согласные перед *е* и *и*, как правило, пишутся как твердые согласные: *Березина* – *Berezina*, *Тетерев* – *Teterev*, *Сергей* – *Sergej*, *Аграфена* – *Agrafena*, *Пересветов* – *Peresvetov*, *Лебедев* – *Lebedev*, *Никитин* –

Nikitin, Тихонов – Tihonov, Акулина – Akulina, Бородино – Borodino, Погодин – Pogodin, Фадеев – Fadejev, Державин – Deržavin, Десницкая – Desnicka, Теберда – Teberda, Сперанский – Speranski, Поспелов – Pospelov, Северянин – Severjanin, Тимирязев – Timirjazev. Из этого правила существует два исключения с употреблением мягких согласных: а) в ряде широко известных собственных имен, таких как: *Lenjin, Ljermontov, Bakunjin, Onjegin*; б) в тех именах, где русская форма фонетически полностью соответствует/совпадает с хорватской: *Яковлев – Jakovljev* (а не *Jakovlev*), *Василевский – Vasiljevski* (а не *Vasilevski*).

9) русские имена иностранного происхождения переносятся в хорватский не в своем первоначальном оригинальном виде, а в том, в каком они давно стабилизировались в русском правописании: *Мейерхольд – Mejerholjd, Гильфердинг – Giljferding, Кюхельбекер – Kjuheljbeker, Кюи – Kjui, Эйзенштейн – Ejzenštejn, Энгельгардт – Engeljgart, Гессен – Gesen, Герцен – Gerčen и Hercen.*

10) русский этимологический гласный *о* переносится в хорватский текст регулярно, вне зависимости от действия русского фонетического „аканья”, т.е. *Moskva, Borodino, Pogodin* (а не: *Maskva, Baradino, Pagodin*).

11) двухчленные русские имена собственные (прилагательное + существительное) изменяются также, как и хорватские: *Литературная газета – Literaturna gazeta, Царское Село – Carsko Selo, Нижний Новгород – Nižni Novgorod.*

12) русские имена собственные женского рода с основой на согласный (*Обь, Керчь, Пермь, Тверь, Тюмень* – *Ob, Kerč, Perm, Tver, Tjumenj*) склоняются в хорватском как существительные мужского рода с основой на согласный: *Perm, Perma, Permu...*; *Tverom; Tjumenjet* и т.д.

13) русские женские отчества (*Ивановна, Петровна, Николаевна*) при передаче в хорватский язык в дательном и предложном падежах приобретают окончания склонения прилагательных, а не существительных (значит: *Ivanovnoj, Petrovnoj, Nikolajevnoj*, а не *Ivanovni, Petrovni, Nikolajevni*).

14) беглые гласные *е* и *о*, выпадающие в косвенных падежах русских существительных, при переносе в хорватский сохраняются не только в номинативе, но и во всех других косвенных падежах. Ср. в русском языке: *Донец – Донца – Донцу...*; *Череповец – Череповца – Череповцу...*; *Вышний Волочок – Волочка – Волочку...* и в хорватском: *Dones – Donesa – Donesu...*; *Čerepovec – Čerepoveca – Čerepovecu...*; *Višnji Voločok – Voločoka – Voločoku...*

15) буква *ѣ* в окончаниях русских имен на *-ич* и *-ович* в хорватской транскрипции сохраняется. Ср. на примере русской фамилии: *Григорович – Grigorovič* или русского отчества: *Петрович – Petrovič.*

16) в русских именах собственных ассимиляция по звучности производится регулярно в соответствии с принципами хорватского фонети-

ческого правописания: *Безбородко* – *Bezborotko*, *Мережковский* – *Mereškovski*, *Гладков* – *Glatkov*. От этого правила существуют лишь некоторые отступления, обусловленные давностью традиции: *Мусоргский* – *Musorgski*, а не *Musorkski*.

17) двойные (сдвоенные) гласные и согласные русского языка при переносе в хорватский не сохраняются – вместо двух букв всегда пишется только одна: *Введенский* – *Vedenski*, *Анненков* – *Anenkov*, *Будде* – *Bude*, *Чаадаев* – *Čadajev*, *Исаак* – *Isak*.

18) абсолютно большинство русских личных имен, независимо от их этимологии, сохраняет оригинальное написание и произношение: *Агафон* – *Agafon* (а не *Agaton*), *Марфа* – *Marfa* (а не *Marta*), *Вячеслав* – *Vjačeslav* (а не *Večeslav*), *Игнат* – *Ignat* (а не *Ignjat*). Исключение составляет несколько личных имен, среди которых *Лев* и *Пётр*, которые передаются по-хорватски всегда как *Lav* и *Petar* (а не *Pjoir*).

19) при переносе русских слов общеславянского происхождения с этимологическим ятем [*ѣ] в корне, следует обращать внимание на последовательность и правильность „искавской” передачи на хорватскую почву этого важного звука: специфическая особенность хорватской „искавской” литературной произносительной нормы новоштокавского диалекта заключается в том, что этимологический ять [*ѣ] должен давать в ней регулярные рефлексы *-je/-ije*. В соответствии с этим, русские географические названия, имеющие в своем составе этимологический ять, следует корректно передавать в форме: *Bijelo more*, *Bjelomorsko-Baltički kanal*, *Bjelorus*, *Bjelorusija*, *Bjeloruskinja*, *bjeloruski*; *Dnjepar*; *Dnjestar*; *Sjeverno ledeno more*; *Sjevernoosetinska republika* и др. (Babić et al. 1994).

Затронем кратко также проблему места ударения, которая неизбежно возникает при передаче русских имен собственных в хорватский текст и наоборот. Мы можем рассматривать только вопрос о месте ударения, но не о его качестве, потому что оба рассматриваемых славянских языка, русский и хорватский, будучи генетически близкородственными, тем не менее, располагают принципиально разными акцентологическими системами. Русское ударение обычно называют силовым, динамическим, или экспираторным. А.А. Реформатский (1959: 152) называл русское ударение комплексным, т.к. в нем „долгота и сила неотделимы, поэтому ударный слог и самый сильный, и самый длительный”. Русское ударение подвижно, т.е. не привязано к определенному слогу в слове, и, следовательно, разноместно. Изучая место ударения в русском слове, исследователи приходят к выводу, что русское ударение тяготеет к середине слова (Никонов 1963).

В отличие от русского языка, хорватский значительно лучше сохранил особенности древнейшей общеславянской фонологической системы, которая характеризуется тоническим (или музыкальным) ударением, т.е. понижением или повышением тона при произношении ударного гласного или слогаобразующего *r*, которое служит для различения значения слов и их форм (Иллич-Свитыч 1963). Различаются четыре вида хорватского ударения, которое, как и русское, является разноместным, причем, изменение форм слова нередко влечет за собой изменение как качества, так и места ударения. Акцентологи отмечают, что еще в древнейшем общеславянском языке происходило оттягивание ударений с конечных слогов на предыдущие (Булаховский 1947: 403).

Передвижение ударения с былых подударных конечных слогов на предшествующий, обусловленное рядом причин, находит многочисленные примеры в хорватском языке. В целом разноместность русского и хорватского ударения не дает возможности формализовать и унифицировать правила ударения, определить его закономерности и зависимости фиксации. Вместе с тем, в русских и хорватских словах общеславянского происхождения (которые в значительном количестве представлены и в именах собственных), помимо существенных отличий наблюдаются и отдельные регулярные соответствия, что важно учитывать в рассматриваемой нами теме. Например, в хорватских многосложных словах ударение никогда не может падать на последний слог. В словах общеславянского происхождения хорватское ударение, как правило, стоит на один слог ближе к началу слова по сравнению с русским. Обычно в хорватском слове только один ударный слог, а исключением служат некоторые сложные слова, в которых встречается по два ударения. В каждом языке существуют только ему присущие акцентологические группировки слов. Обладающие некоторой структурной общностью слова часто следуют одинаковым моделям ударения. У собственных и нарицательных имен это происходит не вполне одинаково, но и у тех, и у других можно выделить группы с однотипными конечными элементами и одинаковым мелодическим рисунком. Очевидность связи некоторых славянских собственных имен с нарицательными иногда способствует однотипности ударения тех и других. Бесспорно, что ударение в каждом языке строго индивидуально и неповторимо. Находясь под влиянием своего родного языка, говорящий не может предвидеть особенностей ударения других языков: „Поэтому к иноязычным собственным именам, как и к иноязычным словам вообще, люди подходят предвзято, схематично, традиционно” (Супранская 1966: 56).

Говоря строго, воспроизведение подлинного ударения в заимствованных словах возможно лишь до определенного предела. Следование иноязычному образцу должно согласовываться с особенностями языка, который принимает, однако это согласование также возможно лишь

до определенного предела и не должно преследовать полнейшего уподобления заимствованных слов своим.

Сравнивая ударение в заимствованных собственных именах, можно отметить, что круг иностранных языков – источников заимствования в русском и хорватском для имен нарицательных уже давно и традиционно ограничен языками классическими и западноевропейскими с внесением относительно немногочисленного числа тюрских и арабских слов. Из других языков заимствования столь незначительны, что могут в расчет не приниматься.

Имена собственные, наоборот, заимствуются очень широко и буквально из всех языков земного шара. По отношению к ним речь поэтому может идти о большем или меньшем соотношении заимствований, связанных с большей или меньшей известностью имен других стран, о непосредственном или опосредованном характере их заимствования, но отнюдь не о каком-то территориальном или языковом ограничении. Это полностью соответствует характеру хорватско-русских/русско-хорватских языковых контактов, о которых идет речь.

Изменение места ударения в имени, заимствованном из одного языка, под влиянием особенностей ударения другого языка возможно, если тот последний был посредником при заимствовании, и невозможно само по себе. Колебания ударения заимствованных собственных имен в русском и хорватском языке неизбежны, если место ударения в языке-источнике не совпадает с наиболее типичным для данной категории слов местом ударения в „принимающих” языках.

Существует влияние аналогии на ударение собственных имен. Однако в отличие от имен нарицательных, именам собственным, в силу самой их специфики, индивидуальности и нестандартности, здесь аналогии не принадлежит существенная роль. Гиперкорректные формы, как и ложная аналогия, встречаются часто, поскольку незнание, неуверенность, контаминации и т.п. в собственных именах – обычное дело.

При всей кажущейся хаотичности русского ударения в собственных именах следует особо подчеркнуть роль предпоследнего слога, поскольку очень часто ударение переносится именно на него, хотя об исключительности ударения на этом слоге не может быть и речи.

Кроме того, в современном русском языке отмечается ярко выраженная тенденция к фиксации ударения на определенном гласном, независимо от того, в каком слоге от начала или от конца слова он оказывается при словоизменении.

Сравнение современного русского узуса с лексикографическими данными и поэтическими произведениями прошлого показывает, что в пушкинскую эпоху произношение многих собственных имен было ближе к ударению языка-источника, чем в начале XX в., когда сильнее действовал закон подчинения иноязычных слов нормам русского ударения. В на-

ши дни, как и в конце XVIII – начале XIX в., сильнее стремление произносить их в соответствии с подлинным местом ударения языка-источника. В результате круг традиционных имен (типа хорватских *Beč*, *Budimpešta*, *Pariz* и русских *Рим*, *Париж*, *Брюссель* и т.д.) значительно сузился. Однако он существует и будет еще долго существовать, пока существует непрерывная культурная традиция у русских и у хорватов. Лишь смена поколений с их новыми вкусами, тенденциями и знаниями может привести к отмиранию многих нынешних традиционных норм. Число колебаний в ударении в заимствуемых именах собственных в конце XX и в начале нового столетия значительно больше, чем раньше. Оно легко объясняется расширением знания иностранных языков (хотя о расширении изучения русского языка среди хорватов и хорватского языка среди русских в момент написания этой статьи говорить пока не приходится), а также расширением контактов с носителями других языков путем непосредственного общения или через электронные средства связи. В результате традиционные нормы перестают удовлетворять многих и колебаниям подвергаются пласты собственных имен, произносившихся в соответствии с былыми традициями в акцентологии.

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что для выработки практических рекомендаций необходимо учитывать как исторические закономерности развития системы древнеславянской акцентуации, так и состояние современных славянских литературных произносительных систем. Тогда можно более объективно оценивать правомочность тех или иных подходов или вариантов транскрипционной передачи русских слов в хорватском языке и хорватских слов в русском.

ЛИТЕРАТУРА

- Булаховский, Л.А. 1947, Акцентологический закон А.А. Шахматова. В кн.: *А.А. Шахматов*. Москва-Ленинград.
- Гиляревский, Р.С. – Старостин, Б.А. 1985, *Иностранные имена и названия в русском тексте. Справочник*. Москва, изд. 3-е, испр. и доп.
- Зиндер, Л.Р. 1979, *Общая фонетика*. Москва.
- Иллич-Свитыч, В.М. 1963, *Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм*. Москва.
- Моисеенко, В.Е. 1997, Из истории славянского диакритического правописания. *Studia Slavica Hung.* 42, 99–107.
- Никонов, В.А. 1963, Место ударения в русском слове. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* VI.
- Реформатский, А.А. 1959, Обучение произношению и фонология. *Научные доклады высшей школы. Филологические науки* № 2.
- Реформатский, А.А. 1960, Транслитерация русских текстов латинскими буквами. *ВЯ* № 5.
- Светозарова, Н.Д.: 1982, *Интонационная система русского языка*. Ленинград.

- Суперанская, А.В. 1966, *Ударение в собственных именах в русском языке*. Москва.
- Суперанская, А.В. 1973, *Общая теория имени собственного*. Москва.
- Суперанская, А.В. 1978, *Теоретические основы практической транскрипции*. Москва.
- Сухотин, А.М. 1935, О передаче иностранных географических названий. В кн.: *Вопросы географии и картографии I*. Москва.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Москва, 1998, 2-е изд.
- Babić, S. – Finka, B. – Mogaš, M. 1994, *Hrvatski pravopis*. Zagreb.
- Barić, E. et al. 1999, *Hrvatski jezični savjetnik*. Zagreb.
- Bjelanović, Ž. 1994, Antroponimi u općem rječniku. *Filologija* 22–23. Zagreb, 119–126.
- Gadányi, K. – Moiseenko, V. 1999, *Ruski leksik u hrvatskom jeziku*. Szombathely.
- ISO 9-1986 (E) Documentation-Transliteration of Slavic Cyrillic characters into Latin characters*, 1986.09.01.
- Rečnik ličnih imena u Srba*. Beograd, 1977.
- Šimunović, P. 1981, Sinonimnost i homonimnost imena kao sociolingvistički problem. *Hrvatski dijalektološki zbornik* 5. Zagreb.
- Šimunović, P. 1995, *Hrvatska prezimena. Podrijetlo, značenje, rasprostranjenost*. Zagreb.
- Sorensen, H.S. 1958, *Word Classes in Modern English, with Special Reference to Proper Names, with an Introductory Theory of Grammar, Meaning and Reference*. Copenhagen.